

**ОППОЗИЦИЯ КОНЦЕПТОВ *ЖИЗНЬ-СМЕРТЬ* В СМЫСЛОВОЙ
ОРГАНИЗАЦИИ ПЕТЕРБУРГСКОГО ТЕКСТА РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ**

В настоящее время общепризнанной является идея антропоцентричности языка, в соответствии с которой человек предстает в качестве естественной точки отсчета в лингвистических исследованиях. Интерес большинства современных ученых вызывает не язык сам по себе, в отрыве от пользующихся им людей, а то, как в нем отражаются общечеловеческие, национально-культурные и индивидуальные свойства его носителей. Наиболее ярко и полно сущность антропоцентрической парадигмы проявляется в текстовых исследованиях, так как текст, в котором обретают подлинный смысл единицы всех уровней языка, невозможно изучать вне человека, являющегося его творцом и адресатом. Можно с уверенностью утверждать: изучение вопросов языка и культуры должно быть тесно связано, ибо лишь в пределах той или иной культуры тот или иной текст приобретает окончательную определенность и, подвергаясь интерпретации, становится способом выражения глубинных, духовных смыслов. Носитель того или иного языка одновременно является носителем определенной культуры, поэтому в языке отражаются основные культурно-ментальные особенности нации, концептуальное осмысление которых возможно посредством его анализа. Так, значимое место в пределах культур различных народов занимают сверхтекстовые единства, в основе которых лежит некий устойчивый, имеющий связь с мифологической традицией и сохраняющийся в сознании носителей культуры код. Особенно важное место практически в любой из славянских и европейских культур отводится локальным сверхтекстам, складывающимся вокруг топонимов высокой культурной значимости (Петербург, Москва, Киев, Рим, Лондон, Париж, Венеция и др.), с которыми связаны важные для истории события и которые стали источником устойчивых мифов, сохраняющихся в народном сознании на протяжении долгого времени и способных утратиться только в процессе коренных изменений в жизни нации. Каждый из текстов, образующих подобные группы, тесно связанных друг с другом и в то же время разнообразных, обладает присущими лишь ему особенностями и вносит в общее звучание системы текстов, а значит, и в национальную культуру в целом свою ноту.

Важнейшей частью русской культуры является Петербургский текст (данный термин был впервые упомянут в работах В.Н. Топорова и Ю.М. Лотмана), коренное отличие которого от многих других сверхтекстов заключается в том, что его составляющие объединены вокруг города, вызывающего у носителей культуры не только восхищение, но и страх, не только преклонение, но и неприязнь. Двойственность чувств, порождаемых Петербургом, объясняется тем, что он был задуман своим создателем как идеальный город, но создатель этот, Петр I, пытавшийся навязать традиционному сознанию русского человека

нечто принципиально новое, казавшееся враждебным по отношению к привычному укладу жизни, долгое время воспринимался в народе как Антихрист, как погубитель святой Руси. Петербург, который 16 мая 1703 г., в день Святой Троицы, был заложен Петром Великим на заболоченном Заячьем острове, появляется как дерзкий вызов монарха всему, что он считал устаревшим, косным, стоящим на пути новой культуры, нового мировоззрения. История Москвы знала такой тип поведения государя, как временный уход, подобный отъезду Ивана Грозного в Александрову слободу. Но впервые в отечественной истории царь осмелился навсегда покинуть традиционную столицу московских государей, потому-то новый город вызывал ужас и ощущение скорого конца света и у московской знати, и у простого народа. По замечанию С. Волкова, "чудо почти мгновенного возникновения столицы огромной империи на болотистой и негостеприимной почве было столь поразительно, цена этого чуда в человеческих жизнях столь велика, а личность его создателя столь экстраординарна, ни на кого не похожа, что вскорости Петербург породил и искренние восхваления, и не менее искренние проклятия мистического характера" [4, 15]. В простонародье были уверены, что город обречен на гибель, и встретили страшные петербургские наводнения как закономерное явление. Испуганные люди могли выразить свой протест только в многочисленных легендах о проклятом городе, о котором царица Евдокия, томившаяся за стенами Успенского монастыря, посылая оттуда проклятия новой столице, якобы произнесла: "Быть Петербургу пусту!". Из уст в уста передавался рассказ о кикиморе, страшном сказочном существе, будто бы поселившемся на колокольне Троицкой церкви и предвещавшем скорое уничтожение Петербурга. Известно и предание о том, что при перенесении мощей святого Александра Невского из Владимира в Александро-Невскую лавру в тишине храма раздался отчетливый твердый голос: "Зачем все это? На триста лет". Петр Великий, присутствовавший на церемонии, якобы стремительно обернулся, но успел увидеть только удаляющуюся фигуру в темном одеянии. Несмотря на жестокие наказания тех, кто был уличен в распространении подобных слухов, ропот не умолкал. Даже через много лет после своего полуфантастического появления Петербург все еще будет представляться зыбким миражом, призраком, видением, что в полной мере отразится в Петербургском тексте. По словам В.Н. Топорова, "ни к одному городу в России не было обращено столько проклятий, хулы, обличений, поношений, упреков, обид, сожалений, плачей, разочарований, сколько к Петербургу" [15, 263]. Более того, не только простой народ, но и просвещенные люди XIX столетия, "как бы отринув объективность и нарочито сгущая темное, по сути дела, заявляют о своей несовместимости с Петербургом, за чем стоит нечто более общее и универсальное – несовместимость этого города с мыслящим и чувствующим человеком, невозможность жизни в Петербурге" [15, 263].

Думается, что, пониманию противоречивой, сложной мифотектоники Петербургского текста русской культуры может способствовать анализ его концептосферы. Рассматривая данное сверткостное единство как

составляющую русской культуры, нельзя не обратиться к исследованию языковой ткани сверхтекста, прежде всего семантики его языковых единиц. Изучение текста в тесном взаимодействии с русской культурой, а значит, и с ментальностью, которую В.В. Колесов определяет как "миросозерцание в категориях и формах родного языка, в процессе познания соединяющее интеллектуальные, духовные и волевые свойства национального характера в типичных его проявлениях" [9, 15], предполагает выявление важнейших для понимания данного текста концептов и исследование их языковой репрезентации и особенностей функционирования в его пределах. Однако, несмотря на то, что анализ языковых особенностей Петербургского текста предпринимался такими учеными, как В.Н. Топоров, А.Д. Шмелев, В.Д. Черняк [16; 17; 18], до сих пор не существует достаточно полного их описания, которое было бы основано на соотношении языка с духовно-культурным контекстом.

В данной статье, которая посвящена анализу Петербургского текста с точки зрения его концептосферы, мы попытались исследовать, как функционируют в Петербургском тексте два важнейших для русского народа концепта, которые составляют друг с другом своеобразную оппозицию. С нашей точки зрения, первостепенное значение для смысловой организации сверхтекстового единства имеет оппозиция *жизнь-смерть*, каждый из членов которой представлен концептами, получившими репрезентацию в языковой ткани сверхтекста.

Петербургский текст, в основу которого легли предания о неизбежной гибели новой столицы, зачастую изображает ее как место, в котором недостижимо счастье, невозможен покой, немислима мирная жизнь. Разумеется, герои сверхтекста далеко не всегда осознают это и зачастую мечтают о том, что рано или поздно им удастся начать новую, счастливую жизнь, не похожую на прежнюю:

Но что ж, он молод и здоров,
Трудиться день и ночь готов...
Пройдет, быть может, год-другой –
Местечко получу – Параше
Препоручу хозяйство наше
И воспитание ребят...
И станем *жить*, и так до *гроба*
Рука с рукой дойдем мы оба,
И внуки нас *похоронят*... [13, 176].

Во всех составляющих Петербургского текста важную роль играет как концепт *жизнь*, в структуре которого можно выделить семантические компоненты "физиологическое состояние", "время от рождения до смерти", "полнота проявления телесных и душевных сил", "образ существования, поступки", "деятельность", "реальная действительность", "возбуждение", "достаток, имущество" [14, 484] и который получает репрезентацию в лексемах *жизнь*, *жить*, так и концепт *смерть*, в процессе анализа которого выявляются семантические слои "прекращение жизни", "горе, беда", "переход к вечной жизни" [15, 152] и который объективируется в словах *смерть*, *кончина*,

умирать, гибель и т.д. (к данному концепту примыкают околоядерные концепты *гроб, саван, покойник, труп, похороны, отпевание, панихида, могила, кладбище, погост, призрак* и т.д.). Для русских людей характерно восприятие смерти как неминуемой участи каждого, которая ниспослана свыше: "От *смерти* не посторонишься", "*Смерть* не свой брат, разговаривать не станет", "*Смерть* на *живот* дана", "И всяк умрет, как *смерть* придет", "*Жить* надейся, а *помирать* готовься!", "Двум *смертям* не бывать, а одной не миновать", "*Смерть* да жена – Богом суждена", "*Смерть* русскому солдату свой брат", "Час от часу, а к *смерти* ближе", "Кабы люди не *умирали*, земле бы не сносить", "Умел *пожить*, умей и *умереть*", "*Смерти* бояться – на свете не *жить*". Разумеется, жизнь, пусть не всегда легкая, всегда дорога человеку: "*Жить* горько, да и *умереть* не сладко", "*Жить* грустно, а *умирать* тошно", "*Жить* тяжело, и *умирать* не легко", "Лучше век терпеть, чем вдруг *умереть*", - однако иногда смерть воспринимается как избавление от страданий, Божье благословение и, наконец, переход в лучший мир: "Горя много, а *смерть* одна", "Бога прогневишь – и *смерти* не даст", "Не бойся *смерти*, бойся грехов", "Кто чаще *смерть* поминает, тот меньше согрешает", "*Помрешь*, так отдохнешь" [6, 540].

Можно отметить, что, если мирная, счастливая семейная жизнь в Петербурге немислима, то смерть, на которую обречен город, всегда скрыто присутствует в нем, ожидая своего часа. Петербург, по мнению народа, обреченный на страшную гибель, предстает во многих составляющих сверхтекста как город смерти, в котором нет и не может быть подлинной жизни, в котором объективная действительность тесно соприкасается с потусторонним миром, так что покойники на кладбище беседуют друг с другом, словно живые люди ("Бобок" Ф.М. Достоевского), а живого человека хоронят, приняв за умершего ("Петербургские трущобы" В.В. Крестовского). В Петербурге мертвецы активно вмешиваются в жизнь реально существующих людей: призрак графини указывает Германну три карты с условием, чтобы он женился на Лизе ("Пиковая дама" А.С. Пушкина), Акакий Акакиевич, которому "суждено... на несколько дней *прожить* шумно после своей *смерти*, как бы в награду за не примеченную никем *жизнь*" [5, 140], пытается вернуть утраченную шинель ("Шинель" Н.В. Гоголя), вздох одного из многочисленных привидений, населяющих город, губит ребенка ("Миазм" Я. Полонского), наконец, персонаж гоголевского "Портрета", прямо заявляет пораженному художнику: "Я, может быть, скоро *умру*, детей у меня нет; но я не хочу *умереть* совершенно, я хочу *жить*. Можешь ли ты нарисовать такой портрет, чтобы был совершенно как *живой*?" [5, 107].

Петербургский текст изобилует описаниями смертей, самоубийств, похоронных процессий, которые никого не удивляют и ни в ком не вызывают сожаления:

У порога

Нашли безумца моего,

И тут же хладный *труп* его

Похоронили ради Бога [11, 200];

"Никто не поплакал над ним; никого не видно было возле его бездушного *трупа*... *Гроб* его тихо, даже без обрядов религии, повезли на Охту; за ним идучи, плакал один только солдат-сторож, и то потому, что выпил лишний штоф водки" [5, 28];

"Улица осветилась багровым пламенем; несколько человек с факелами; за ними *гроб* медленно двигался через улицу. Красавица выглянула; сильный порыв ветра отогнул оледенелый покров с *мертвеца*, и ей показалось, что *мертвец* приподнял посинелое лицо..." [10, 109];

Город в красные пределы
Мертвый лик свой обратил [3, 137];

Взору *смерти* – взор ответный!
Ты пьяна вечерней думой,
Ты на очереди *смертной*:
Встану в очередь с тобой! [3, 141];

Прозрачная звезда, блуждающий огонь,
Твой брат, Петрополь, *умирает*... [9, 70];

В Петрополе прозрачном мы *умрем*,
Где властвует над нами Прозерпина.
Мы в каждом вздохе *смертный* воздух пьем,
И каждый час нам *смертная* година... [9, 61];

Помоги, Господь, эту ночь *прожить*:
Я за *жизнь* боюсь – за Твою рабу –
В Петербурге *жить* – словно спать в *гробу* [9, 160];

"...Город все тот же, - сырой, торжественный, бедный, не по-человечески прекрасный, не по-людски страшенький, неприспособленный для простой человеческой *жизни*. Я непременно куплю в Питере квартиру: я не хочу простой человеческой *жизни*... Кто не слышал, как *смерть* дует в спину, не обрадуется радостям очага" [14, 7].

Черета смертей, таким образом, воспринимается героями сверхтекста как закономерное явление, как нечто изначально присущее городу. В Петербургском тексте категории жизни и смерти смешиваются, взаимопроникают, так что порой человек с трудом отличает жизнь от смерти. Так, например, Евгений, герой пушкинской поэмы "Медный Всадник"

...свой несчастный век
Влачил, ни зверь, ни человек,
Ни то ни се, ни *житель* света,
Ни призрак *мертвый*... [11, 181].

Часто измученные Петербургом люди сами призывают смерть как спасительное избавление от слез и страданий, отвергая утомившую их жизнь:
Ты все равно придешь – зачем же не теперь?

Я жду тебя – мне очень трудно.

Я потушила свет и отворила дверь

Тебе, такой простой и чудной [1, 346].

Однако, оказавшись в ситуации выбора между жизнью и смертью, между покорным терпением страданий, неразрывно связанными с петербургской жизнью, и бунтом против них, герои сверхтекста поступают по-разному: одни, подобно гоголевскому Пискареву ("Невский проспект") или герою романа Ф.М. Достоевского "Преступление и наказание" Свидригайлову, приветствуют собственную смерть, другие, покоровшись судьбе, избирают жизнь, несмотря на то, что она будет исполнена страданий:

Надо, чтоб душа окаменела,

Надо снова научиться *жить* [1, 345];

Петербург! я еще не хочу *умирать*:

У тебя телефонов моих номера.

Петербург! у меня еще есть адреса,

По которым найду *мертвецов* голоса [9, 158];

Прекрасная!

Нельзя тебя отторгнуть.

Ты – это *жизнь*.

Ты есть – и я *живу* [2, 88].

Оказывается, в Петербурге возможна не только смерть, и жизнь, полная страданий, слез, горя, но от этого не менее драгоценная. Как подчеркивает В.Н. Топоров, "жить в Петербурге можно, только опираясь на ничто..., которое ведет или прямо к гибели, или к подлинному спасению, достигаемому уже не прежним человеком, но новым уже в силу своего мучительного личного жизненного опыта" [15, 301]. Примирившиеся с жизнью герои Петербургского текста, подобно Раскольникову, который находит в себе силы последовать совету Сони: "...стань на перекрестке, поклонись, поцелуй сначала землю, которую ты осквернил, а потом поклонись всему свету, на все четыре стороны, и скажи всем, вслух: "Я убил!" Тогда Бог опять тебе *жизни* пошлет" [7, 322], - обретают духовное спасение – новую, подлинную жизнь, и в этом высокая миссия Петербурга, города-страдальца, скрытая миссия, постичь которую позволяет анализ концептосферы сверхтекста, организованной в виде оппозиций, которые можно охарактеризовать словами В.Н. Топорова: "...если от зла к добру, от смерти-гибели к спасению есть путь, то не значит ли это, что из одного корня растут два близнеца, противоположные друг другу во всем, кроме этого единого корня, главной ситуации существования человека" [15, 301]. Петербургская жизнь, в конечном счете, есть преодоление смерти, ибо в этом городе, как пишет А.Ахматова,

...живем торжественно и трудно

И чтим обряды наших горьких встреч,

Когда с налету ветер безрассудный

Чуть начатую обрывает речь. –

Но ни на что не променяем пышный
Гранитный город славы и беды... [1, 153].

Герои сверхтекстового единства вынуждены, страдая, преодолевать противоречия петербургской жизни, причем пройти мучительный, крестный путь, на который обрекает их Петербург, способны не все. Тем не менее, те, кто находит в себе силы жить в городе смерти, обретают духовное спасение.

Таким образом, исследование концептосферы Петербургского текста доказывает, что важное значение в его организации имеет не только концепт *смерть*, но и концепт *жизнь* – они вступают друг с другом в своеобразную оппозицию, противостоят друг другу и в то же время образуют нерасторжимое единство, взаимно обогащаясь, дополняя свои смысловые оттенки. Чтобы жить в Петербурге, надо победить смерть. Счастливая, мирная, безоблачная жизнь здесь невозможна, и тех, кто стремится только к ней, не желая смиренно переносить страдания, неминуемо ждет смерть, духовная и телесная. Но в Петербургском тексте появляются и герои, которые находят в себе силы для ее преодоления и обретения духовной жизни. Значит, в центре сверхтекста оказывается не только и не столько проклятый, бесовский, обманчивый город, в котором царит смерть, сколько город, имеющий высокую, спасительную миссию, выполнение которой нелегко для него самого - заставляя как своих героев, так и читателей всматриваться в противоречия петербургской жизни, показывать, как духовная смерть подстерегает человека среди внешней суеты и через боль и страдание приводит к подлинной, духовной жизни.

Думается, анализ концептосферы Петербургского текста с учетом данных, полученных в ходе исследования, может быть продолжен. Дальнейшее осмысление принципов, согласно которым строится концептосфера Петербургского текста, будет способствовать лучшему пониманию мифотектоники сверхтекстового единства, а значит, и уяснению его места в национальной культуре.

Литература

1. Ахматова А.А. Избранное. – Смоленск: Русич, 2003. – 640 с.
2. Берггольц О. Прошлого – нет!: Стихи. Поэмы. Из рабочих тетрадей / Сост. М.Ф. Берггольц. – М.: Русская книга, 1999. – 320 с.
3. Блок А.А. Собрание сочинений в 6-ти томах / Под общ. ред. С.А. Небольсина. Т.2. – М.: Библиотека "Огонек". Изд-во "Правда", 1971. – 351 с.
4. Волков С. История культуры Санкт-Петербурга. – М.: Эксмо, 2007. – 576 с.
5. Гоголь Н.В. Собрание сочинений в семи томах / Под общ. ред. С.И. Машинского и М.Б. Храпченко. Т.3. – М.: Художественная литература, 1978. – 303 с.
6. Даль В.И. Пословицы русского народа: В 3-х т. Т.2. – М.: Русская книга, 1998. – 704 с.
7. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений в тридцати томах. Художественные произведения (тома I-XVII) / АН СССР, Ин-т русской литературы. Т.6. – Л.: Наука, 1973. – 424 с.
8. Колесов В.В. Русская ментальность в языке и тексте. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2007. – 623 с.

9. Мандельштам О.Э. Собрание сочинений в 4-х т. Т.1. – М.: ТЕРРА, 1991. – 684 с.
10. Одоевский В.Ф. Русские ночи: Роман. Повести. Рассказы. Сказки. – М.: Эксмо, 2007. – 640 с.
11. Пушкин А.С. Сочинения в трех томах. Т.2. – М.: Художественная литература, 1986. – 527 с.
12. Словарь русского языка: В 4-х т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; Под ред. А.П. Евгеньевой. Т.1. – М.: Русский язык, 1985. – 696 с.
13. Словарь русского языка: В 4-х т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; Под ред. А.П. Евгеньевой. Т.4. – М.: Русский язык, 1988. – 800 с.
14. Толстая Т.Н. Чужие сны // Изюм. – М.: Подкова, 2003. – с.5-11.
15. Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное. – М.: Издат. группа "Прогресс"–"Культура", 1995. – 624 с.
16. Шмелев А.Д. Петербургский текст на фоне русской языковой картины мира // Художественный текст как динамическая система. Материалы международной научной конференции, посвященной 80-летию В.П. Григорьева / Институт русского языка им. В.В. Виноградова, РАН. Москва, 19-22 мая 2005 г. – М.: Изд-во "Управление технологиями", 2006. – с. 89-94.
17. Черняк В.Д. Лексические доминанты Санкт-Петербурга: К истокам Петербургского текста // Слово. Словарь. Словесность: Петербургский контекст русистики начала XXI века: Материалы Всероссийской научной конференции Санкт-Петербург, 14-16 ноября 2007 года / Отв. ред. В.Д. Черняк. – СПб.: САГА, 2008. – с. 19-26.

Аннотация

Цель исследования – рассмотрение ведущей для организации Петербургского текста оппозиции концептов *жизнь-смерть*, члены которой получают репрезентацию в составляющих единство текстах А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя, Ф.М. Достоевского, А.А. Блока, А.А. Ахматовой, О.Э. Мандельштама, Т.Н. Толстой и др. и участвуют в создании их общего смыслового пространства. Данные концепты оказываются ключевыми для понимания сверхтекста, герои которого вынуждены выбирать между смертью и жизнью, полной страданий.

Ключевые слова: антропоцентрическая парадигма, культура, сверхтекст, Петербургский текст, концепт, концептосфера.

Summary

The article is devoted to the opposition of concepts *life-death* that plays the main part in Petersburg text's organization. These concepts appear in texts written by A.S. Pushkin, N.V. Gogol, P.M. Dostoevsky, A.A. Blok, A.A. Ahmatova, O.E. Mandelshtam, T.N. Tolstaya etc. and help to unite their semantic space. The analysis of concepts *life-death* is necessary to understand the super-text which main characters have to choose between death and hard life.

Keywords: anthropocentric paradigm, culture, super-text, Petersburg text, concept, concept sphere.